

Александр РАДЬКОВ

Мой физмат

(Отрывки из книги)

От автора

Таково, видимо, предназначение человека в природе — ему надо учиться всю жизнь. Стремительное развитие цивилизации и все те новшества, которые постоянно придумывают люди, заставляют каждого из нас непрерывно что-то изучать, осваивать, совершенствоваться. Как только перестал учиться — сразу отстал. Еще школьником я смотрел кинохронику, где показывали США 1917 года. У нас в это время свершилась Великая Октябрьская революция, народ пытался выбраться из нищеты, из своих убогих хижин, из лаптей, а в США в это время уже строили небоскребы, работали бульдозеры, экскаваторы, подъемные краны. Там уже использовались совершенно иные технологии. И я этот пример приводил, убеждая понять идею американцев о бакалавриате. При регулярной и быстрой смене технологий в университете невозможно подготовить специалиста. Пока студент учится, технологии могут кардинально поменяться, причем не один раз. Соответствующим оборудованием университеты не обеспечены: дорого и не всегда понятно, каким оно должно быть. Учебная практика мало что дает: она краткосрочна и в освоении будущей профессии весьма поверхностна. Следовательно, в университете надо давать базовую подготовку в соответствующем направлении. Готовить бакалавров. А где же доводить их до уровня специалистов? На производстве, в фирме, на бирже, в порту, в адвокатской конторе... то есть обучать их работе с той технологией, которая сейчас актуальна. Появится новая технология — специалиста надо переподготовить. Базовое университетское образование дает общее развитие, позволяющее освоить соответствующую специальность на конкретном производстве. Способен к творческой работе конструктора, к созданию новых технологий, к научным исследованиям — продолжай университетское образование в магистратуре. Американцы вынуждены были так построить свою систему высшего образования и в силу сложившихся исторических обстоятельств сделали это раньше нас. Мы же в вузах готовили сразу специалистов, которых приходилось часто буквально переучивать на производстве.

Понятно, что нельзя слепо копировать других, лучше до всего дойти самим, однако регулярно и вдумчиво изучая то, что делают эти другие. В этом отношении приведу еще один пример. Когда мы стали разрабатывать математические тесты для контроля знаний учащихся, то посмотрели эти задания для американских, европейских, российских школьников. Математика уж точно всюду одинакова. Но пришлось все делать самим. В этих заданиях и явно, и неявно присутствуют закономерности и традиции национального образования, отношения к формированию личности, даже соответствующая ментальность. Поэтому надо использовать, изучать, обдумывать и свое наследие, особенно в системе образования. Несмотря ни на что, в Советском Союзе оно было далеко не хуже американского.

Меня всегда поражал тот факт, что уже к восьми годам ребенок усваивает до 80% отпущенной ему по жизни информации.

Впереди еще школа, университет, у некоторых еще и аспирантура, докторантура, вообще вся жизнь, а 80% нужной информации уже усвоено. И все-таки основным этапом в системном образовании человека я считаю университет. В него приходят мотивированные на определенную профессию люди через конкурсный отбор, обучение в вузе ведут ученые, в это время студенты становятся взрослыми людьми, а некоторые даже семейными, и сами учащиеся, и их преподаватели создают неповторимую, насыщенную, крайне интересную среду общения, обучения и поддержки друг друга. Я всегда буду утверждать, что хорошее образование в Беларуси можно получить в любом вузе. Но при одном условии: если ты сам этого хочешь! Именно поэтому, когда мне приходилось решать кадровые вопросы, я всегда спрашивал у претендента на должность, в каком университете он учился. А когда слышал, что, например, в Гродненском, на математическом факультете, то спрашивал, кто ему читал математический анализ, или высшую алгебру, или геометрию. Как правило, собеседники с удовольствием вспоминали своих преподавателей. А если человек не мог ответить, то я терял к нему интерес. Он не получал удовольствия от учебы, он даже не помнит, кто и чему его учил, а значит, не будет гореть и на новой работе.

Я люблю свой физмат. Где бы я ни работал, чем бы ни занимался, мне хватало той фундаментальной базы знаний и основ воспитания, которые я получил на этом факультете Могилевского государственного университета им. А.А.Кулешова. На этот физмат меня отправила мама. Она очень хорошо училась в школе, росла в семье офицера, до Великой Отечественной войны в Кронштадте окончила с отличием семь классов. И все, потом — 1941 год, переезд в Беларусь, оккупация, партизанский отряд, Красная Армия, поход на Прагу, война с Японией в Маньчжурии, замужество, пять сыновей. Поэтому она решила свою образовательную мечту реализовать через нас, своих детей. Старший брат Володя, хотя и очень хорошо учился, в первый год после школы не прошел по конкурсу в Белорусский политехнический институт, год работал в Жодино на БелАЗе и затем ушел служить в армию. Мама очень переживала за брата и уже к моей судьбе решила отнестись более внимательно и строго.

До восьмого класса я учился неплохо, но предметных способностей не проявлял. Делал уроки, бегал, прыгал, много времени проводил в лесу (он на Быховщине отменный) и ни о чем серьезно не задумывался. Но в восьмом классе к нам в Краснобелорусскую школу приехал новый учитель математики — Михаил Иосифович Мельников. Он через несколько уроков разбил наш класс на четыре группы — по способностям к математике. Я попал во вторую, хотя явно видел, что в первой группе ученики не лучше меня. Подошел к учителю и спросил, почему он не включил меня в первую группу. Он сказал: «Вот тебе, Саша, пять задач на осенние каникулы. Если сам их решишь — будешь в первой группе». Я решил — он включил. Михаила Иосифовича через год назначили директором Никоновичской средней школы, но за это время он помог мне

понять, что математика — это мое будущее. С тех пор я уже не мог без задач, с удовольствием читал учебники, с интересом слушал новую учительницу. После Мельникова к нам прислали Валентину Ивановну Автушкову. Она в это время училась заочно на физмате и школьную программу еще досконально не изучила. А тут вышли новые учебники, в частности «Алгебра и элементарные функции» Е.С.Кочеткова и Е.С.Кочетковой. Я видел, что Валентина Ивановна сама их только осваивает, и поэтому читал предварительно тот параграф, который она планировала нам на уроке объяснять. Садился на первую парту и внимательно ее слушал, а когда она запутывалась в материале, то, по ее просьбе, подключался к объяснению. Автушкова была веселого характера, строгую учительницу из себя не строила, и мы с ней вдвоем успешно доводили объяснение до моих одноклассников.

Еще я следил за теми старшеклассниками, кто после моей школы посвятил себя математике. И было за кем! В это же время учителем математики в нашей школе работала Надежда Онуфриевна Карпечина. Специалист высочайшего класса! Ее ученик Николай Коряков был среди победителей Всесоюзной (!) олимпиады по математике среди школьников. Он и его друг Коля Борщ поступили на мехмат БГУ, на каникулах привозили мне интересные книги по математике, оригинальные задачи. Мы их часто решали вместе с Надеждой Онуфриевной. Эти друзья агитировали и меня поступать в БГУ. Но тут вмешалась моя мама. Старший брат в институт не поступил, служит в армии, значит, основная ставка — на меня. Мама была глубоко убеждена, что пятерых своих сыновей-сорванцов она может удержать от вольнострельной жизни и пагубных привычек только образованием. Она не скрывала от нас, что всем хочет дать высшее образование. Думаю, что на примере старшего сына она сделала вывод о труднодостижимости столичного вуза. Поэтому мне сказала: «Саша, поступай на физмат в Могилевский пединститут. Там та же математика, но это ближе к дому. Ты на выходные сможешь приезжать домой и брать какие-нибудь продукты. А в Минске мы с отцом тебя обеспечить не сможем. Вова еще в армии, нигде не устроен, и три младшие твои брата еще маленькие...». Как тут возражать или настаивать на своем? И я поступил на мой физмат. С тех пор он всегда со мной.

О своем факультете я решил рассказать через преподавателей. Так сложилось, что я их по жизни рассматривал с трех ракурсов: как их ученик, как их коллега, как их руководитель. Вся эта информация во мне долго накапливалась. Я ее иногда воспроизводил в кругу друзей, использовал в работе, но ничего не писал. Да и времени на это не было. Подтолкнул меня к этой работе декан физмата Л.Е.Старовойтов. На 105-летию Могилевского университета он слушал мое выступление и потом сказал, что было бы хорошо, если бы я написал о нашем физмате, о его людях. Я задумался, поделился этой мыслью со своим другом, профессором Б.Д.Чиботаревским. А он сходу говорит: «Делай! Кроме тебя этого никто не напишет!». И я стал писать о своем физмате. Для этого повествования выбрал форму рассказа о людях. Это мои личные впечатления о них. Я не ворошил архивы, личные дела, не использовал фотографии. Многие биографические сведения теперь можно найти в интернете. Не стал я детализировать и научные интересы своих коллег, не все теперь знаю о судьбе их родных и близких. Я хотел передать определенные моменты работы, дружбы, общения с этими людьми. Они достойно и добросовестно делали свое дело, поэтому мне так и запомнились.

Прошу меня простить, если где-то я не точен, что-то упустил или кого-то не вспомнил. Я писал с удовольствием, не останавливаясь, можно сказать, взахлеб, поэтому возможны и шероховатости, и какие-то огрехи. Но это мое видение. У каждого читателя есть право и на свою трактовку. Когда я писал о своем факультете, я физически ощущал свое присутствие среди его преподавателей, сотрудников и студентов. Незабываемое чувство. Если Вы,

уважаемый читатель, испытаете то же самое, я буду счастлив. Все эти люди заслуживают того, чтобы их знали и помнили. Это — мой физмат.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ МАШКОВСКИЙ

В 1968 году, когда я поступил в Могилевский пединститут, деканом физико-математического факультета был Петр Петрович Машковский. Небольшого роста, щупленький, седой, ходил чуть шаркающей походкой, говорил тихо, но мы все интуитивно чувствовали в нем хорошего человека. С первых дней учебы в институте он стал читать нам курс элементарной математики. И практические занятия вел сам.

Петр Петрович был из поколения фронтовиков. Им, к сожалению, было не до научных исследований: счастьем было выжить. Поэтому Машковский не имел ни ученой степени, ни ученого звания. Однако его математические способности, математическая культура были очевидны. Курс элементарной математики предполагал расширение и углубление школьной программы. Он был полезен не только содержанием, в том числе избытком задач на практических занятиях, но и возможностью наверстать упущенное в школе, подготовиться, причем всем студентам одновременно, к изучению фундаментальных разделов высшей математики. Слушали мы лекции Петра Петровича заворожено. Он читал без конспекта, равномерно, можно сказать, без внешних эмоций. Но чувствовалось, что он любовался красотой математических конструкций, изящностью формул, оригинальностью задач. В аудиторию входил точно по звонку, а на перерыв между часами лекции или в конце ее, услышав звонкую трель, уходил немедленно, мог даже до конца не договорить предложение.

На физмат в тот год поступило 110 первокурсников. Но плановых мест было только 100. Жизнь показала, что напряженность учебы на этом факультете выдерживали далеко не все, поэтому набирали еще 10 так называемых кандидатов. И вот мы подошли к первой сессии. Перед началом зачетов и экзаменов для первокурсников положен соответствующий инструктаж: правила организации и проведения зачетов и экзаменов, наши права и обязанности, возможности пересдачи, критерии успеваемости для получения стипендии и количество провалов, после которых следует отчисление. Здесь мы впервые увидели Петра Петровича в роли декана. Он пришел к нам, молча, но внимательно, всех осмотрел и тихим голосом сказал:

— Вас здесь 110, а после сессии должно остаться не более 100. Старайтесь. Желаю успехов.

И ушел.

Сам Машковский принимал у нас экзамен тоже оригинально. Пригласил зайти в аудиторию первую пятерку студентов. Посмотрел на нас, положил на стол стопку билетов, отвернулся и пошел к окну. Глядя на улицу, сказал:

— Выбирайте!

Билеты из стопки взлетели в воздух: их перебирали, меняли, обсуждали между собой выбор. Петр Петрович даже не поворачивался к нам. Потом спросил:

— Выбрали?

Записал наши фамилии, номера билетов и стал ждать ответов. Понял, что за семестр на лекциях и практических занятиях он всех нас досконально изучил и уже оценил. Поэтому уходил от лишних, с его точки зрения, формальностей. Но ответы слушал внимательно, и оценки были объективными.

Общежитие, в котором мы жили, было рядом с учебным корпусом. Занятия начинались в 8.00, но студенческая жизнь насыщенная, разнообразная, веселая, поэтому не все студенты, особенно после бурных вечерних мероприятий, приходили на первую пару лекций. Посещение занятий было обязательным и довольно строго контролировалось. Петр Петрович практиковал утренние походы в общежитие. Говорил своей секретарше в деканате:

— Валя! Я пойду в общежитие будить своих детей.

В комнатах жило по 5—6 студентов, двери никогда на ключ не закрывались, декан, тихонько постучав, заходил, находил под одеялом спящего студента и шептал:

— Вова! Вставай! Занятия уже начались, там же тебя все ждут!

Эффект был потрясающий. Таких походов декана по нашим комнатам мы почему-то боялись. Пропуски занятий заметно снижались.

Были за время таких хождений Петра Петровича на побудки студентов и анекдотичные истории. Студенты геофака учились во вторую смену, поэтому и спали дольше. Их комнаты были на втором этаже, причем вперемежку с нашими, физматовскими. Петр Петрович, перед тем как зайти, смотрел вывешенный на двери список жильцов. Фамилии всех своих студентов он знал наизусть. И на этот раз в конце списка он увидел фамилию Хлобыстова. Он знал, что Саша дисциплиной не отличался, и решил зайти проверить, ушел ли он к 8.00 на занятия. Зашел и, к своему удивлению, заметил, что попал к спящим девушкам. Тут же развернулся, но на внутренней стороне двери обнаружил график уборки комнаты, и там среди девичьих фамилий последней стояла фамилия Хлобыстова. Петр Петрович окончательно растерялся, но будить никого не решился. Эта история нас всех развеселила. Мы-то знали, что Саша дружил с девушкой, которая училась на геофаке, и так часто бывал у них в комнате, что они включили его в списки жильцов.

У Машковского вообще были очень оригинальные, но, на удивление, действенные методы воспитания. Однажды мой старший брат, тоже студент физмата, попался с компанией на выпивке в комнате общежития. Причем именно он был организатором этого мероприятия. За такой проступок грозило отчисление из института, а для него это был полный крах. Вова уже был женат, у него родился сын, и, понимая неотвратимость наказания, он имел плачевный вид. Брату передали, что его вызывает декан. Он пришел в назначенное время, постучал, услышал приглашение войти и увидел Петра Петровича за рабочим столом. Декан занимался составлением расписания. Увидев брата, поднял голову и сказал:

— А, Радьков! Заходи!

И опять склонился над расписанием. Так продолжалось десять минут, двадцать, полчаса, сорок минут. Декан работает, брат, переминаясь с ноги на ногу, стоит. Наконец Петр Петрович поднимает голову и говорит:

— Ну, ты все понял?

— Да, Петр Петрович, такого больше не повторится!

— Тогда иди!

Этот урок брат, будущий директор школы, запомнил на всю жизнь.

На всех наших собраниях, комсомольских, профсоюзных, Машковский всегда присутствовал и выступал. Говорил, как обычно, спокойно, тихо, но требовательно. Однажды на каком-то собрании Петр Петрович не согласился с предложениями профсоюзных активистов и с трибуны стал объяснять почему. В это время рядом с этой трибуной председатель профкома Татьяна Ховбок стала жестами, гримасами заводить нас, чтобы мы шумом, возгласами стали возражать декану. Он видел ее попытки, но не обращал на это никакого внимания. Говорил все также спокойно и негромким голосом. И был убедителен. На призывы Татьяны мы не повелись.

Как-то раз на факультетском партийном собрании профессор Столяр заявил, что у нас нет заметных подвижек в научной работе, в учебно-воспитательном процессе. Его в этом эмоционально поддержал доцент Жилик. Тогда Петр Петрович встал и спокойно заявил:

— Уважаемые Александр Аронович и Константин Константинович! Не теряйте времени на высказывания своих идей и их осуждение. Сразу начинайте думать, как их реализовать. Не откладывая, приступайте к делу!

В начале семидесятых в институте поменялся ректор, он стал к руководству факультетов, кафедр привлекать кандидатов наук, доцентов. Петру Петровичу пришлось уйти на должность заместителя декана. Он переживал, хотя внешне это было незаметно. Продолжал везде высказывать свою позицию и спокойно, но настойчиво ее отстаивать. Почувствовал, что далеко не всегда и не всем это нравится, доработал до шестидесяти лет и ушел на пенсию. Купил в деревне дом и вообще перебрался туда жить. На факультете появлялся один раз в год, чтобы уплатить партийные взносы, хотя даже на собрания не приезжал. Находил меня, тогда уже замдекана, отводил куда-нибудь в закуток и просил:

— Саша! Расскажи мне, что тут у нас за год произошло.

Я и теперь помню эти наши разговоры. Петр Петрович приезжал в зимнем пальто, причем чуть-чуть присыпанном сеном (похоже, активно вел сельское хозяйство), глаза его были живыми, веселыми, смех — искренним. Ему были интересны истории, причем самые разные, обо всех преподавателях, лаборантах, студентах. Мы обычно говорили по два-три часа, и это, пожалуй, одни из лучших моментов моей жизни...

ИВАН ИВАНОВИЧ МАРТЫНОВ

Мы были еще первокурсниками, когда в фойе первого этажа увидели необычное для нас, яркое, большое объявление. Физмат поздравлял своего выпускника Ивана Ивановича Мартынова с успешной защитой кандидатской диссертации. Эта новость на меня, например, действовала позитивно, можно даже сказать, воодушевила. К этому времени мы уже почувствовали, что учиться на физмате очень трудно, неуспевающих отчисляют регулярно и нещадно, задача-минимум — выжить, удержаться в институте. А тут выпускник нашего факультета поступил в аспирантуру и сразу после ее окончания защитился, стал кандидатом физико-математических наук в области теории дифференциальных уравнений. Он-то смог! Значит, не надо пасовать и сдаваться, можно, постаравшись, и определенных высот достичь.

Иван Иванович был родом из небольшой деревни Петуховка Чаусского района. Родился во время войны и совсем маленьким попал в концлагерь, выжил, потом хорошо учился, поступил на наш физмат, и там его заметили преподаватели. Порекомендовали в аспирантуру к профессору БГУ Ю.С. Богданову. Юрий Станиславович — ученик академика Н.П.Еругина, основателя и вдохновителя научной школы мирового уровня, тоже один из самых авторитетных математиков Беларуси. Он считал Ивана Ивановича одним из лучших своих учеников, причем ценил в нем прежде всего человеческие качества: честность, ответственность, порядочность. Воспитанный тяжелым деревенским трудом, видевший воочию зло, насилие, коварство и предательство, Мартынов отличался острой чувствительностью к несправедливости. К студентам, коллегам, в целом к людям относился уважительно, даже заботливо, но до тех пор, пока не сталкивался с неприличием или злонамеренностью. Вот тогда его отношение к такому человеку становилось принципиально требовательным, а иногда и непримиримым.

Пока мы учились на младших курсах, Иван Иванович был у нас заместителем декана. Он искренне любил свой физмат, старался, чтобы наш факультет был лучшим в институте, очень много времени проводил со студентами. Помогал готовить комсомольские и профсоюзные собрания, участвовал с нами в субботниках, присутствовал на всех репетициях при подготовке к конкурсам художественной самодеятельности. Запомнилось, что после наших выступлений на сцене он покупал для нас огромный кулек конфет.

При всей внешней строгости Иван Иванович обладал превосходным юмором и был организатором многих розыгрышей над своими друзьями. В то время, когда он защитил кандидатскую диссертацию, в институт были направлены для работы на физмате его ровесники, тоже молодые кандидаты физико-математических наук: К.К.Жилик, Е.В.Коробенок, А.К.Лапковский. Все они были в то время еще холостыми, жили в студенческом общежитии, дружили. Иван Иванович нам потом рассказывал, что они там вытворяли.

В это же время на географический факультет приехала преподавать молодая, стройная, необычно для нас красивая осетинка. Она, безусловно, не могла не привлечь к себе внимания этих холостяков. А.К.Лапковский приударил за ней со всей страстью, но... взаимности не добился. Мартынов и компания наблюдали со стороны за этими ухаживаниями и решили Анатолия Кузьмича разыграть. Иван Иванович оделся так, как эта осетинка, лег на кровать, накрывшись с головой, а его друзья сказали Лапковскому, что девушка расстроена, не поняла его отношения к себе, переживает, плачет. Анатолий Кузьмич немедленно кинулся ее утешать, гладил, говорил нежные слова, признавался в своих чувствах. И вдруг с головы девушки сползает платок и открывается озорное лицо Мартынова... Лапковский долго не мог простить Ивану Ивановичу эту выходку, но со временем она вошла в фольклор физмата. Мартынов был каким-то земным, реальным, близким к нам, студентам, человеком. Строгим, но понятным, в чем-то и оригинальным. Лекции к нам Мартынов пришел читать на третьем курсе. Это была теория функций действительных переменных. Математику он, безусловно, чувствовал и знал. Но конспект за ним писать было не просто: очень импульсивный, стремительный, иногда у него мысли опережали слова. Поэтому к экзамену мы готовились по учебникам. Характерно, что как ученый-математик он требовал показать

знания, понимание изложенной теории, а не ответа сугубо по его конспекту. Иван Иванович видел способности студентов, их отношение к учебе, открыто уважал и поддерживал тех, кто старался. У нас на экзамене был забавный случай. Мой однокуртник Валерий Иванов подзабыл доказательство несчетности множества действительных чисел и стал тихонько меня просить помочь ему в этом. Мартынов и его, и меня знал как хороших студентов, но никак не мог понять, кто же кому подсказывает. Так и не разобрался, но все превратил в шутку, основательно при ответе допросил обоих и поставил каждому «отлично».

С Иваном Ивановичем со временем мы подружились. Причем как-то естественно, как само собой разумеющееся. При нем я начинал работать ассистентом, искал себя в науке, защищался, постепенно поднимался по служебной лестнице. Сближало нас и то, что его жена Зинаида была моей землячкой, она родом из Быхова, и мы с ней часто вспоминали родные нам обоим места. Она, кстати, тоже закончила наш физмат и даже какое-то время работала на факультете.

Я очень благодарен Ивану Ивановичу за то, что он познакомил меня с историком Яковом Ивановичем Трещенком. Он тогда был соседом Мартыновых, и мы иногда собирались вместе у Ивана Ивановича посидеть, поговорить. Мартынов и Трещенок были в чем-то похожи: оба умные, дерзкие, бескомпромиссные, начитанные, со своими взглядами на жизнь. Общение с ними — это настоящая школа развития, профессионализма. Яков Иванович до конца своей жизни оставался нашим наставником. И не только нашим. Президент Беларуси А.Г.Лукашенко был одним из любимых учеников Трещенка. Мне, уже как министру образования, приходилось неоднократно по поручению президента навещать Якова Ивановича, чтобы выяснить его мнение по тому или иному историко-политическому вопросу. Для президента это было важно, он тоже считал Якова Ивановича своим наставником и доверял ему.

Со временем Иван Иванович занял должность проректора по работе со студентами-заочниками, увлекся исследованиями в области педагогики. Его почему-то больше всего интересовали методы воспитания мальчишек. Делал все Мартынов энергично, широко, можно сказать, азартно. Лидер по натуре, бывало, что иногда мог затмить собеседника, коллегу, но при этом увлечясь, отклониться от темы, а то и вовсе не попасть в нее. Уже будучи ректором, смотрю вечером программу областного телевидения. Обсуждаются психологические проблемы семейных отношений. Два участника — заведующая кафедрой психологии доцент Э.Котлярова и проректор университета доцент И.Мартынов. Мартынов, по характеру непедагога, полемист, часто перебивает Котлярову, хотя и явно уступает ей в понимании обсуждаемого вопроса. Та еле успевает выводить тему в нужное русло.

Зову утром к себе Ивана Ивановича и говорю ему, что он, проректор, представляет руководство университета, поэтому не должен уступать заведующей кафедрой. Следовательно, или надо основательно готовиться, тем более по вопросу, где ты не профессионал, или уйти из программы. Иван Иванович ушел из программы, но подобные разговоры нисколько не влияли на наши служебные и дружеские отношения. Мартынов и на мои промахи и недочеты указывал корректно, но не стеснялся.

Есть еще история, которая, я уверен, не закончилась до сих пор. И она тоже связана с характером Мартынова, его упорством при достижении цели, которую он перед собой поставил и уверен в ее необходимости.

Встречаю в университете министра образования В.И.Стражева. Он прибыл с деловым визитом, но выходит из машины возбужденный, возмущенный, сразу заявляет:

— Радьков, еду к тебе в университет, по дороге в машине включаю радио и слышу, как твой проректор Мартынов обрушился на меня с критикой, что я не даю хода его монографии и тем самым препятствую внедрению проверенных, актуальных, крайне необходимых обществу методов воспитания юношей. Ты разберись, что у тебя за проректор!

История для меня не новая. Иван Иванович действительно написал книгу о том, как надо воспитывать мальчишек. Писал основательно, пользовался архивами, современными исследованиями в области педагогики и психологии, «доставал» каждого из нас, пытаясь втянуть в эту проблематику. Но, самое главное, папку с рукописью своей книги на эту тему он демонстративно, при людях, чаще всего на больших собраниях, вручал вновь назначенному министру образования. Ее получали Л.К.Сухнат, М.И.Демчук, В.А.Гайсенко, пришло время и В.И.Стражева. Вот тот и вскипел. Выхода у меня уже не оставалось, как самому прочитать рукопись, разобраться с этой работой Мартынова. Прошу принести мне его папку. Прочитал на одном дыхании. Живо, убедительно, просто интересно. Говорю Ивану Ивановичу:

— Методику воспитания мальчишки в семье и в обществе вы строите в основном на примере жизни Ивана Грозного. Но это же воспитание прежде всего царя. Вряд ли это подходит для любого пацана.

Не думаю, что я убедил Мартынова. Более того, уверен, что он продолжает атаковать своими идеями очередных министров.

Было еще одно забавное увлечение Ивана Ивановича: он занялся изучением возможностей человеческого мозга. Полученные в ходе исследований результаты и выводы продемонстрировал нам на себе, призывая активно их использовать в повседневной практике. В частности, он был глубоко уверен в полезности устного счета для развития памяти и вообще мышления. Знал множество оригинальных, очень эффективных приемов такого счета, настойчиво призывал учителей математики использовать их на уроках. Перед нами же выступал с демонстрацией вообще феноменальных способностей мозга, которые он смог развить благодаря упорным и систематическим занятиям. Сидим перед ним на его популярной лекции. Он показывает нам возможности своей памяти. Просит десять присутствующих коллег назвать по одному пятизначному числу. Его ассистент записывает эту числовую последовательность на длинной доске. Иван Иванович поворачивается к этой записи, минуты три ее изучает и потом безошибочно воспроизводит!

Еще одна тема объединяла меня с Иваном Ивановичем. Мы с ним оба регулярно читали журналы «Наука и жизнь», «Знание — сила», «Природа». Если они в читальном зале были на руках, то, как правило, у него или у меня. И Мартынов был всегда «набит» интересными сведениями, фактами из современных исследований.

Мне до сих пор не хватает колорита этой личности.

(Продолжение следует).